

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОВЕТ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Проект «Финансовая грамотность с детства»

Серия

«Волшебные приключения в мире финансов»

Тищенко А., Емелина Л.

Книга вторая

«ЦЕНА ВОЛШЕБСТВА»

Глава 2

Конечно, можно было не спешить. Пока Ланселот придумает и создаст новые игрушки, пройдет пару недель, ну а те, что должны быть подарены в рождественскую ночь, можно начать делать в сентябре...А можно и сейчас. Клаусу не терпелось разбудить завод. И потому, не обращая внимания на жалобы Рудольфа, мечтавшего о мягкой подстилке из сухих трав в теплом оленнике и хорошем ведре какао, домой они не полетели. Отсюда было рукой подать до Айронволла, где и находился его завод.

Пара миль, и в океане сумрачной зелени блеснул хребет стены Айронволла. Последний луч солнца угас за горами, и в небе загорелись ледяные звезды. Их холодный свет делал призрачной стену, которая ширилась и росла по мере их приближения. Ворота охраняли исполинские стражи, закованные в сталь. Конечно, можно было просто подняться выше, перелететь латунный пояс, столетия защищавший некогда богатый и процветавший город, но... Недаром же победители ждали ключи от осажденного и павшего города. Клаус спешил. Стражи ворот узнали его. Взметнулись вверх и со страшным грохотом сомкнулись клинки их мечей, образовав в воздухе громадную арку, а створки ворот беззвучно распахнулись. Клаус и Рудольф вошли в заброшенный город.

Два десятилетия назад здесь кипела жизнь. Лавочка «Мелочи полезные и бесполезные» предлагала покупателям заварочный чайник, в котором чай остается горячим, пока не кончится, или ручку, меняющую цвет чернил по желанию владельца. Или ручку, меняющую

цвет против его желания. А что, разве вы не собирались сделать подарок вашему начальнику на Рождество? В кафе «Звездное небо» посетители могли посмотреть в настоящий бронзовый телескоп и получить бесплатное пирожное, угадав созвездие, в цветочной лавке можно было купить букетик стеклянных цветов, которые в изобилии покрывали клумбы и сады города. А за очень большие деньги даже купить настоящий цветок, привезенный издалека, из «долины», как называли горожане земли по другую сторону Темного леса, отрезавшего их город от остального мира. В городском театре по вечерам загорались розовые фонари, и механический конфетансье сзывал публику на представление. Здесь играли комедии и драмы, над сценой поднимались картонные облака, и улыбающееся солнце сменялось плачущей луной. Здесь танцевала несравненная Лили Ливингстон, и те, кому посчастливилось видеть ее танец, не могли поверить, что перед ними девушка, а не темная фея, творит свое колдовство. Казалось, ее узкие ступни почти не касаются сцены, не руки, а крылья бабочки трепещут в облаках искусственного дыма. Она не чувствовала музыку, а растворялась в ней. Она сама была музыкой.

Но сейчас улицы были пустынные, никто не пил горячий шоколад в кафе и не любовался бронзовыми звездами в чаше неба, выкрашенного кобальтом, безделушки в витринах покрылись густым слоем пыли, и напрасно механический конферансье снимал и одевал свой цилиндр. Его веселый голос, приглашавший почтенную публику на вечернее представление, наполнял жутью безлюдные улочки, сегодня укрытые густой пеленой тумана. Прелестная Лили Ливингстон погибла и никогда уже ей не танцевать под сводами городского театра.

Взошла луна, и в ее бледном свете зловещая Кровавая гора казалась розовой. Именно этой горе Айронволл во многом был обязан своим величием, ведь в ее штольнях добывали бесценный левис. Его добыча очень опасна, этот металл легче воздуха и освобожденный кирками рудокопов часто взмывал вверх, руша перекрытия и своды шахты. Так много шахтеров погибло под завалами, что в память о них каждый вечер зажигали красный фонарь у подножия горы. Чтобы их души не блуждали в темноте. Клаус не пожалел времени – сделал крюк и остановился у старого фонаря. Странно, но, когда маленький огонек согрел запыленные стекла фонаря, тьма вокруг будто стала еще плотнее, придвинулась ближе. И когда они с Рудольфом отвернулись, фонарь вдруг скрипнул и закачался, будто тронутый невидимой рукой, хотя ветра не было. Клаусу стало не по себе.

Медная улица, что вела к заводу, была вымощена настоящими монетами. Клаус в который раз пожалел, что город-государство Айронволл чеканил собственную монету, которую теперь не принимал ни один обменный пункт. Но вот и завод. Клаус уже привык считать его своим. Он взглянул на темные окна своего кабинета. Когда-то он принадлежал гениальному изобретателю Роберту Ливингстону, построившему этот завод. Страшный пожар едва не уничтожил здание, и Клаусу пришлось здорово потрудиться, чтобы восстановить витражи высоких окон, статуи кентавров, охранявших вход, стены, некогда покрытые великолепными фресками. А вот сад вокруг завода восстановить было некому. По замыслу Роберта Ливингстона в нем должна была царить вечная весна. Но от невыносимого жара хрустальные лепестки цветущих вишен оплавилась и потекли, ветви согнулись вниз, а каменные травы растрескались и превратились в зеленый песок.

В этом саду Клаус оставил Рудольфа, который долго пил воду из маленького фонтанчика, а потом блаженно растянулся под стеклянным деревцем. Клаус же с бьющимся сердцем распахнул двери в главный цех. Здесь ничего не изменилось с декабря, только было непривычно тихо и темно. Но стоило Клаусу сделать первый шаг, под потолком ожили и мягко засветились старинные лампы. День за днем они накапливали солнечный свет и вот теперь щедро отдавали его, осветив весь огромный зал, станки, пока еще неподвижные и покрытые пылью, и мостик, на котором располагалась центральная панель управления. Сейчас она выглядела как огромная серебряная птица, сидевшая на пьедестале. Клаус поднялся на мостик, положил руку на голову птицы и сделал шаг назад. Ее глаза вспыхнули и засветились зеленым, развернулись крылья, открыв спину с кнопками и рычагами. Как и станки, она была из вольфрама, который начинает кипеть только при 5555 градусах Цельсия. Даже сгори завод дотла, все его оборудование осталось бы целым и готовым к работе.

Завод ждал. Ждали в деревянных коробах механические рабочие. Они спали в деревянных ящиках, похожих на саркофаги, не мертвые и не живые. Двухлетние взрослые, не знавшие детства. Мужчины и женщины, с волосами цвета золота и цвета угля. Имеющие память, но не видящие снов.

Клаус нажал самую маленькую кнопку внизу приборной панели. Крышки саркофагов вздрогнули и открылись. Свет от искусственных солнц, одетых бронзой, ударил в узоры

солнечных батарей, пропущенных через скулы и лбы. И тут же механические сердца забились. Медленно, будто сонно, распахнулись веки, и глаза – зеленые, карие, голубые и даже фиолетовые – увидели свет. Впервые за многие месяцы сократились от яркого света зрачки. Глаза, наполненные мыслью и жизнью, неотличимые от человеческих, если бы не едва заметные порядковые номера, идущие вдоль радужки.

Медленно, один за другим, механические рабочие покидали свои неудобные постели. Клаус знал, что пройдет несколько минут, и солнце, пусть и искусственное, наполнит их такой энергией и силой, какая и не снилась человеку. Солнце питало все в этом городе, возведенном на голых скалах, городе, лишенном воды и растений. Без упрямого человеческого гения здесь была бы каменная пустыня.

Их было двадцать. Четырнадцать мужчин и шесть женщин. У каждого на груди литера, соответствующая его специальности. «Л» - литейщик, «С» - сборщик, и так далее. Но возникло и кое-что еще. Клаус с изумлением заметил тонкие гравировки там, где люди обычно носят бейджи. Имена. У них появились имена! А еще у девушек теперь были разные прически, и Клаус заметил, как грузчик, которого теперь звали Билл, поддержал под руку мастера по росписи, белокурую Розу, когда она оступилась. А она коснулась губами его щеки. И Клаус мысленно себе поклялся, что больше никогда, никогда не уложит их на долгие месяцы в эти деревянные гробы просто потому, что сейчас ему не нужны их услуги.

А сейчас он ходил по цеху и отдавал распоряжения. Да, они запускают производство на четыре месяца раньше. Потому, что объем этого производства здорово увеличится. И скоро с конвейера сойдут неживые игрушки, понятные и привычные людям Большого мира. Латунный фокусник будет извлекать кролика из шляпы, только если нажать большую красную кнопку, шелковые цветы навсегда застынут в горшке, инкрустированном мозаикой, и не будут медленно раскрывать сонные головки навстречу утреннему солнцу. Все волшебство надо загнать в клетку, объяснить, и, на худой конец, уничтожить. В Большом мире не любят волшебства, как не любят все, не снабженное описанием состава и срока годности.

Но сейчас ожившая после долгого бездействия конвейерная лента несла, как река, игрушечных лепреконов. Вроде бы простая копилка, вот только положи в горшочек десять золотых и найдешь наутро в дополнении к ним медную монетку. Пустяк, конечно, но приятный! А еще человек в зеленой шляпе может совершить нехитрую починку обуви, надо только оставить на ночь рядом пострадавшие туфли и кружечку эля. Лепреконы доезжали до конца ленты, и там их подхватывал механический нетопырь. Плавно взмахивая крыльями из воловьей кожи, он поднимал игрушки этажом выше, в цех, где их расписывали. Там неумомимые механические рабочие с помощью кистей и красок покрывали мертвенно бледную кожу загаром, штаны и курточка получали все оттенки молодой травы, а башмаки теперь казались кожаными. Затем упаковка – яркая картонная коробка и шелковая лента каждый раз нового цвета. Клаус любил цех росписи больше остальных. Именно тут вещи словно оживали, получали душу. Чешуя русалок начинала переливаться перламутром, игрушечные хамелеоны покрывались краской, позволявшей менять цвет, загорались кармином губы кукол, а щеки их расцветали нежным румянцем.

Литейщик Роджер по-мальчишески озорно улыбнулся Клаусу и с силой нажал рычаг доменной печи. Взревело пламя, взметнулся сноп золоченых искр, и горячий воздух с гулом устремился в жерло трубы. Медленно нагревался остывший камень, но прошло несколько минут, и от невыносимого жара он стал прозрачно розовым. Раздавшийся грохот сверху значил, что посыпалась шихта. И скоро из пасти печи хлестнет тугая струя расплавленного

металла. Рев пламени, перестук формовочных молоточков, шипение стали, льющейся в формы. А еще легкие шаги, разговоры и смех. Безмолвный, сонный завод Айронволла ожил.

- Люси, нет!

Ланселот рванулся вперед, ударился грудью о подоконник и сам едва не выпал из окна. Но успел схватить фею за тонкую щиколотку. Она яростно забила крыльями, но куда там! Ланселот без усилий втащил ее в комнату, будто детскую куклу.

- Глупенькая, он же тебя увидит!

И действительно, не прошло и минуты, как мимо окна пронесся со своим всадником Рудольф и полетел на север, где в лунном свете поблескивали стены Айронволла. Ланселот посадил фею на кровать под тяжелым балдахином. Тщательно выглаженное покрывало пахло жасмином, Брауни ежедневно убирали эту спальню для гостей, хотя ею много лет никто не пользовался.

- Хотя я решительно не понимаю, почему ты так боишься, что Клаус узнает. Он ведь твой начальник, а не...

- Ах, он такой ханжа и зануда! – Люси обняла руками колени. – Во-первых, мы с тобой вместе работаем. Во-вторых...

Тут она выпрямилась, откашлялась и, удивительно точно копируя холодное удивление в голосе своего босса, процедила:

- Девушка в гостях у одинокого мужчины! Вечером! Немыслимо!

Ланселот улыбнулся. А Люси продолжала ворчать.

- Можно подумать, его воспитывали лет двести назад. Когда еще дамы носили корсеты и падали в обморок при слове «штаны». Вообще не понимаю, как ему удалось жениться на Молли. Зато понимаю, почему у них до сих пор нет детей.

- Но ведь его правда воспитывали двести лет назад! Ему же 356 лет сейчас. Конечно, фактически для него это молодость, но... Словом, корсеты и все такое.

Открыв ротик, Люси с минуту обдумывала услышанное. И тут по комнате прокатился густой бой старых напольных часов. Оба вздрогнули, как застигнутые за шалостью дети.

- Наверное, уже поздно, и мне действительно пора, - неловко пробормотала Люси, поднимаясь.

- Увы, неожиданное появление твоего босса несколько расстроило наши планы, - улыбнулся Ланселот. – Но сейчас мы спустимся поужинать. А еще у меня для тебя сюрприз. Ты говорила, из всех комнат замка тебе больше всего нравится дубовый зал?

Ланселот действительно как-то задал этот вопрос, и Люси выбрала дубовый зал, где он имел обыкновение играть по вечерам на скрипке. Первое время после той страшной ночи в Айронволле она просто бывала в замке каждый день, задерживаясь все дольше. Так началась эта странная дружба двух таких разных и очень одиноких людей.

Заинтригованная, Люси отправилась в Дубовый зал и обнаружила там очень красивый миниатюрный дом, вырезанный из розоватого дерева. Покрытые резьбой стены нежно пахли сандалом, внутри обнаружилась мебель из эбонита, туалетные принадлежности из кости, на постели покрывало из кротовой шкурки. Сколько же времени у Ланселота ушло, чтобы сделать все это?

Растерянная, растроганная, она искала Ланселота, еще не решив – просить объяснений или просто поблагодарить? Нашла его в Зеленем зале, у той самой картины. На большом полотне девушка, одетая в платье из лепестков алого тюльпана, смотрела в глаза мужчины сидевшего в кресле. Он держал в руках бокал с дымящейся зеленоватой жидкостью, в которой неясные тени складывались в изображение льва, глотающего солнце. Древнейший символ творения, тайный знак алхимиков, обозначающий философский камень. Но еще молодой Ланселот на картине забыл пригубить бессмертие из своего бокала, он не мог оторвать взгляд от девушки, чье платье превращалось в пламя. Люси впервые задумалась – эта картина была написана после гибели Лили Ливингстон или художник предугадал страшную судьбу невесты Ланселота?

Он отвернулся от картины, отошел от того самого камина, что был на ней изображен, и стал у окна. Люси не сразу решилась заговорить.

- Домик очень красивый. У меня такого никогда не было.

Ланселот кивнул, не оборачиваясь. Так и стоял у окна, думал о чем-то. Потом негромко, словно бы с усилием произнес:

- Может быть, после ужина ты останешься переночевать? И вообще, зачем нам расставаться?

Сказал это, глядя в окно, по которому стекали дождевые капли. Люси перелетела на подоконник, хотела коснуться его руки, но не решилась. Но в эту самую минуту с отчаянием поняла, как сильно она любит этого немолодого, сурового мужчину, такого сильного, умного, талантливого, и такого одинокого. И им никогда не суждено быть вместе!

Увы, в любви размер имеет значение, что бы там не говорили. И если ты маленькая фея, влюбленная в мужчину, чей рост составляет метр девяносто шесть, помочь тебе способна только магия.

Магия! Ах, почему ей раньше не пришло это в голову? Люси лихорадочно размышляла. Почему бы не попытаться? Найти хорошую ведьму, она наверняка поможет обрести размеры обычной женщины. Чего бы это ни стоило. И тогда все станет возможным. Даже добиться его любви.

И уже на следующий день Люси отправилась в «Черная и белая». Сетевое заведение, в любом городе есть, ну и у каждого на слуху. Туда мог обратиться любой и по любому вопросу. Надоели сорняки в саду? Сотрудник компании придет на дом и с помощью заклинания Белой магии очистит сад до следующей весны. Нет больше сил терпеть шумных соседей за забором? И это решаемо. Юридический отдел этой фирмы наводил ужас даже на королевскую гвардию. Недешево, конечно, зато быстро и без лишних вопросов.

Единственное, что изрядно беспокоило маленькую фею, так это хватит ли денег. Накоплений у нее почти не было. Третью зарплаты она аккуратно откладывала на счет, чтобы

потратить на хобби, граничащее с зависимостью. Люси обожала путешествия. Где только она не побывала – от перевалов Огненных гор до глубин Нефритового океана. Она пересекала знойные пески пустыни в кабине на спине песчаникового дракона, плавала на плоту по лимонно-желтой, кишасей водяными змеями и плотоядными рыбами реке Рануоке в поисках заброшенных городов. При этом уже два года не могла позволить себе новое пальто. А сейчас была первая неделя после отпуска. Ну что ж, можно ведь зайти, все узнать и спокойно собрать нужную сумму.

Люси нашла ближайший филиал «Черной и белой» и сразу после работы отправилась на разведку. Нужно ей здание втиснулось между аптекой и нотариальной конторой на улице Баллиана Великого. Прямо напротив памятника этому суровому правителю гномов. Фасад старинного красивого здания стандартно для этой франшизы выкрасили двумя цветами. Три верхних этажа в белый, нижний этаж в черный. Бренд, что тут скажешь. В фойе толкалась недлинная очередь, ведущая к каменной сове. Сова, очевидно, заменяла рецепцию. «Экономят на сотрудниках», - ухмыльнувшись, подумала Люси. Сова сидела на мраморном постаменте, раскинув крылья, и смотрела немигающими ониковыми глазами на посетителей. Сделана грубовато, из дешевого песчаника, окрашенного черным и белым. Люси пристроилась за немолодой, но еще красивой лесной эльфийкой.

Первый в очереди, грузный, неряшливо одетый гном подошел к сове. Ее глаза немедленно вспыхнули, она раскрыла крючковатый клюв и сказала:

- Опишите вашу проблему и цель визита.

Гном засмутился, даже немного попятился, но потом собрался с духом.

- Жена говорит, постарел, подурнел. Мне бы... В общем, морду улучшить. И не только морду.

Сова немного подумала. Потом из ее клюва вылетел белоснежный билет с порядковым номером.

- Белый отдел, плюс первый этаж. Оружие необходимо сдать в камеру хранения.

- Что? А, да-да.

Часть стены за совой отъехала в сторону, открыв шкаф со множеством полочек, и гном неловко сунул туда свой выдавший виды молот. Сова проводила его внимательным взглядом и резко выкрикнула:

- Следующий!

Следующим оказался чахлый, сутулый подросток.

- Сессия у меня. А я того... Не знаю ничего. Преподов бы надурить да сдать экзамен...

Сова после недолгой паузы выдала ему черный билет и отправила на минус первый этаж. После ленивого мальчишки к сове подошел неприятного вида гоблин и дрожа всем телом зашептал:

- Сослуживец меня подсидел. Настучал начальству, и меня с работы в шею. Хочу, чтобы сдох, подлец, да помучительнее.

Сова отправила его на минус третий. Затем подошла эльфийка и только начала:

- У моего мужа любовница...

- Черный, минус третий, - перебила ее сова, вручая билет.

- А я влюблена, - неожиданно для себя выпалила Люси, когда пришла ее очередь: – и хочу стать человеческого роста. Можно?

- Белый, плюс первый.

Сова вручила ей билет, и Люси поднялась на прозрачном лифте. Сначала ей показалось, что наступила зима. Белым было все: потолки, стены, мебель, одежды сотрудников. По центру висело табло, обрамленное белыми крыльями. Мелодичный голос пропел:

- Номер 651, пройдите к окошку 11.

Люси опустила взгляд на свой талон и поспешила к одиннадцатому окну. За стойкой ей любезно улыбнулась стройная блондинка. Волнуясь и краснея, Люси описала свою проблему.

- Я вас поняла, - зажурчала девушка. Голос у нее был ласковый и успокаивающий, как у любящей матери. Или заклинателя змей. – У нас большой опыт решения такой проблемы. За текущий год мы уже создали 348 порций увеличения роста. Гарантия – 100 процентов. Предоплата – 100 процентов. Стоимость – 70 золотых.

Это было чуть больше месячной зарплаты Люси. Что ж, могло быть гораздо хуже. Люси приободрилась.

- Хорошо, я соберу деньги и вернусь...

- Нет-нет, я не успела объяснить, - мягко прервала ее девушка. – Вообще, зелье стоит 140 золотых, но сегодня у нас акция и скидка 50 процентов!

- Но я...

- Не беспокойтесь! Если вам не хватает денег – вы можете прямо сейчас заключить договор с «Упырьбанком», его представитель в соседнем окошке, и они немедленно переведут нам всю сумму, чтобы мы сразу приступили к работе над вашим зельем. Вы же спокойно рассчитаетесь с банком в течении нескольких месяцев, уже наслаждаясь результатом нашей великолепной белой магии.

- Спасибо, я должна подумать...

- О, вот это никак невозможно. Скидка действует только сегодня, а отделение через 7 минут закрывается.

Потом Люси клялась, что к соседнему окошку ее перенесла какая-то магия. Сотрудник «Упырьбанка» широко улыбнулся ей, обнажив острые клыки и мягко подпихнул толстенный договор. Разумеется, на его прочтение времени не было, так что Люси просто подписала. Ее тут же вежливо и быстро проводили к лифту, обещав прислать письмо, как только зелье будет готово.

Первые две недели Люси пребывала в радужном настроении. На третью неделю она начала проверять почтовый ящик дважды в день ожидая письма. И дождалась. Вот только не от компании «Черная и белая», а от «Упырьбанка». Пора внести платеж по кредиту. Люси это возмутило. Результата никакого, а деньги плати. После работы был нанесен визит в отделение «Упырьбанка», но делу это нисколько не помогло. Да, они все понимают и соболезнуют, но проблемы с зельем их не касаются. С Люси у них договор исключительно о кредите. Разгневанная Люси отправилась в «Черная и белая».

Там ситуация нисколько не прояснилась. Увы, поставки какого-то меланжа инфернала сейчас прекратились – трудности логистики. Увы, форс мажорные обстоятельства. Вы же договор читали? Нет? Сами виноваты. Да, они все понимают и соболезнуют, но проблемы с кредитом их не касаются.

Прошел еще месяц. Зелья не было и в помине, но суровое молчание фирмы «Черная и белая» с лихвой компенсировал адски общительный «Упырьбанк». Его грозные письма Люси ежедневно доставляли к завтраку. Сначала он потребовал помимо обычных процентов еще и штрафные, а затем и вовсе предусмотренное, как оказалось, договором, досрочное погашение кредита «в связи с несвоевременной уплатой штрафа».

Когда Клаус в очередной раз застал своего секретаря в слезах на рабочем месте, он потребовал немедленных объяснений. Люси пришлось признаться, правда для чего именно ей нужно зелье скромно умолчала. Деликатный Клаус попытаться не стал. А через десять минут собрал в своем кабинете всю команду.

- Я заявление в полицию написала, - глотая слезы рассказывала Люси. – Они сказали, что давно к этой компании присматривались. Но никто не обращался с жалобами! Теперь дело завели.

- Но твои-то проблемы это не решает, - пробормотал Генри. – Вот если бы эти прохвосты расторгли договор с тобой. Но они ни за что не согласятся.

- Согласятся. Еще как согласятся, - неожиданно подал голос Гордон, с хрустом разминая кулаки. - Слышь, Люси. Собирайся, поедem. Поболтаем с этими упырями...

- Так мне не с банком, мне бы с компанией договор расторгнуть! Причем тут «Упырьбанк»...

- Ну да. – Гордон стоял у стенда, где согласно правилам пожарной безопасности, пылились без дела ведро, топор, огнетушитель и молот. Зачем-то сняв со стенда топор и молот, он с веселой улыбкой пристроил их на плечо. – Сначала с одними упырями разберемся, потом с другими. Потопали?

Люси спорить и возражать не стала. Даже насчет топора. Но Гордон в дверях замешкался. Выразительно взглянул на Генри и мотнул головой в сторону двери.

- Генри, на два слова.

Заинтригованный гоблин немедленно вышел за ним в коридор. Дверь закрылась, и через мгновение все услышали громогласный глас Гордона, только словно бы придушенный пыльной подушкой – бедолага пытался говорить шепотом. Если Гордон понижал свой голос, обычно похожий на рев тигра-самца в брачный период, то это было как скидка в десять серебряных на особняк в центре Виридиума. Соответственно, присутствующие с большим интересом слушали увлекательный диалог.

- Слышь, Генри. Мне позарез нужна твоя типа профессиональная помощь. Скажи мне как опытный юридога, как набить кому-то морду, не нарушая закон?

- Сложно, дружище, - гоблин не смог сдержать смехок. – Увы, но ты можешь только оказывать сопротивление, если ты сам подвергся нападению.

- Во облом.

- Ты очень точно выразил суть. И ты не должен причинять телесных повреждений.

- Да ладно?! Че, даже пару зубов высадить нельзя? Ну а если все же...

- Тогда не забудь принести извинения и выразить глубочайшие сожаления.

- Чего-чего выразить?

- Что тебе типа жаль, что высадил пару зубов, - ухмыльнулся Генри.

- Я не запомню! – взмолился Гордон. – Я выражаю, значит.... Или изображаю... Глубочайшие кто?

- Я тебе напомню, - Люси вылетела из комнаты и яростно замахала крыльями в воздухе. – Погнали!

В «Черной и Белой» их встретила уже знакомая сова. Люси взглянула на нее без всякой приязни.

- Цель визита?

- С вашим главным поговорить охота, - буркнул тролль.

- Вы можете оставить ваши предложения и замечания, заполнив специальную форму... - монотонно завела сова, но Гордон ее перебил.

- Предложение у меня одно. Закрыть вашу пога.... – тут он услышал предостерегающий шепот Люси. – Не очень хорошую фирму, я хотел сказать. И предложение это я лично вашему шефу скажу.

Глаза совы подернулись пеленой и словно бы закатились внутрь. Несколько мгновений она молчала, затем тем же сухим, бесстрастным голосом ответила:

- Глава компании, мистер Бринкли, очень занят. Он выражает свои глубочайшие сожаления и рекомендует вам обратиться к любому из младших сотрудников...

- Так мы ж не спешим, - жизнерадостно хохотнул тролль и подкинул в руке молот. - Мы ж подождем. А пока с посетителями потрепемся...

- Да в чем дело-то? – раздались недовольные голоса из очереди.

- Ой, сейчас расскажу, - оживилась Люси. – Я же кучу денег за зелье отдала, а мне его так и не сделали, и упырям меня отдали, и вообще тут жуть что творится!

Бочком, словно краб по песчаному берегу, из очереди выбрался застенчивый эльф подросток и юркнул на улицу. Послушав еще с минуту душераздирающие приключения Люси, его примеру последовали еще двое. Очередь редела на глазах. Сова забеспокоилась и даже расщедрилась - посоветовала Люси подать жалобу. Но куда там! Не прошло и 10 минут, как в фойе они с Гордоном остались одни. Словно крыса из норы, из приоткрывшейся двери кабинета высунулась голова главного менеджера. Голова оценила обстановку и совсем пала духом. Глаза совы снова закатились, и она прошелестела:

- Господин Бринкли примет вас. Нулевой этаж, последняя дверь по коридору.

Но едва Гордон и Люси двинулись в указанном направлении, их путь преградили двое рослых охранников.

- Сдайте, пожалуйста, оружие в камеру хранения.

- Какое такое оружие? – Гордон в недоумении воззрился на топор и молот в своих руках, словно это был букет ромашек. – А. Так это не оружие. Это же штуки от пожара.

Выглядели механические охранники грозно – гора стальных мускулов, квадратные челюсти, неоновые глаза, видящие в темноте так же хорошо, как днем. Но вот на их интеллекте компания явно сэкономила. Посовещавшись и сверившись со спецификацией, где окрашенные красным топор и молот действительно значились средствами пожарной безопасности, они доброжелательно пропустили Гордона в полном вооружении.

После стерильных белых и черных этажей, кабинет главы компании радовал глаз. Стены отделаны панелями драгоценного тигрового дерева, где полосы цвета горького шоколада скользили вдоль медовых. Золотистые узоры распускали свои лозы по зеленоватому шелку обоев, бронзовые скульптуры купались в тенях тяжелых портьер, густо-изумрудных вверху, и словно бы терявших цвет к низу. На полках со скрупулезной аккуратностью были расставлены статуэтки из клыков саблезубого волка, каждое под стеклянным колпаком на маленьком мраморном пьедестале. Некоторые гробики из стекла и мрамора были еще пусты, но уже снабжены табличками. Стояли витрины с морскими раковинами – пурпурными, дымчато-розовыми, темными, шершавыми снаружи и перламутровыми внутри. Все выдавало тяжелую степень коллекционирования. Этот недуг подобен наркомании. Все начинается с развлечения и кончается неизлечимой болезнью.

Словом, клиентам здесь бывать не полагалось, и зловещий корпоративный стиль не запустил сюда свою когтистую лапу. Здесь царил роскошь. Под стать был и хозяин, яркий молодой человек с модной челкой и ослепительной улыбкой. Вот только глаза его совершенно не улыбались, напротив, смотрели холодно и жестко.

Пока ошеломленная Люси рассматривала кабинет, Гордон перешел сразу к делу. Кратко и доходчиво объяснил цель визита, для пущей ясности периодически помахивая молотом. Как известно, любые аргументы, даже религиозные и политические, становятся весьма убедительны, если в руках убеждающего оружие. Мистер Бринкли выслушал его очень внимательно и почти терпеливо. После чего завел пространную речь, общий смысл которой сводился к тому, что ему страшно жаль, он все понимает, помнит и скорбит. Нет, никто не желал огорчить такую уважаемую клиентку. Просто так неудачно сложились обстоятельства, форс мажор, кстати, указанный в договоре. Ему очень, очень жаль. Зелье обязательно будет. Когда-нибудь потом.

- Ясное дело, вы ж нечаянно, - неожиданно добродушно пробурчал Гордон и задумчиво почесал топором затылок.

Длинная рукоятка топора толкнула стоявшую на полке вазу из резного нефрита. И великолепное творение эльфийской работы полетело на пол. Ваза буквально взорвалась всплеском осколков, один из них едва не рассек Люси крыло.

- Моя ваза! – вскричал мистер Бринкли. – Ей было было 307 лет!

- Твою ж светлую... - с чувством начал Гордон, но умолк под грозным взглядом Люси. – Мне прям дико жалко. Но я ж нечаянно! Это... как вы сказали? Во, форс мажор. Щас, подмету тут все.

Он обернулся, очевидно в поисках метлы, и сшиб со стола горящую лампу. Грохот, звон, зловещее потрескивание. Теперь к зеленоватым осколкам добавились фиолетовые и красные. По расшитому бледными розами ковру весело затанцевали огоньки.

- Извините! – заорал Гордон, - мамуля всегда говорила, что я маленько неуклюжий.

Он начал плясать по ковру, очевидно, намереваясь сбить огонь, и размахивать руками. С полок посыпались мраморные и терракотовые статуэтки, упала великолепная картина, на которой был изображен утренний Виридиум.

- Прекратите! – отчаянно завопил мистер Бринкли, вцепившись в свою модную прическу. – Немедленно убирайтесь отсюда! Я вызову охрану!

Он яростно ткнул кнопку на столе.

- Надо же, как неудачно складываются обстоятельства, - Люси зловеще улыбнулась и мягко пододвинула к мистеру Бринкли ручку. – Может, прервем эту цепь неудач и расторгнем договор? У нас, темных эльфов говорят: Неудача как дождь. Упали капли – жди ливня. Надеюсь, она была застрахована?

Вопрос относился к дивной акварели, изображавшей обнаженную эльфийку, купающуюся под прозрачными струями водопада. Неуклюжий Гордон не только сшиб ее плечом со стены, но и наступил грязным сапогом. Разумеется, он пытался спасти сыплющиеся с полок статуэтки.

- Застрахована!? Что с того?! – Возопил мистер Бринкли.

Участливый вопрос Люси поверг его в тот праведный гнев, который охватывает чревоугодника, когда ему предлагают вместо вожденной свиной ножки биойогурт.

- Вон отсюда, вандалы!

И тут в кабинет влетели механические охранники. Гордон дернулся на шум, развернулся, и бравые стражи врезались в его широкую грудь. Одного отбросило прямо на стеклянную витрину. Витрина разбилась с веселым звоном, и на пол посыпались морские раковины. Розовые, пурпурные и перламутровые. Другой въехал головой прямо на полку с миниатюрными статуэтками.

- Ой, - пролепетала Люси, понимавшая ценность погубленной коллекции. – Гордон... Похоже, пора выражать соболезнования, как Генри советовал.

Гордон встрепенулся. Генри дурного не посоветует, надо так надо.

- Выражаю соболезнования, что ваш начальник жулик и пройдоха. И что вам, мужики, круто не повезло с работой, - торжественно обратился он к охранникам, которые вцепились в его громадные руки. Вцепиться-то вцепились, да вот сценка эта живо напомнила Люси гобелен «Охота на вепря», который украшал фойе ее колледжа. Там громадный кабан секач резво скакал по полянке, а на нем висели маленькие охотничьи собачки. Собачки смешно сучили лапками, безуспешно стискивали челюстями мохнатые кабаньи бока. В глазах их читался страх и полное непонимание, что они тут делают. Кабан их обидно не замечал и резвился под кронами сосен.

- Расторгаем договор, с банком сами разберетесь, – Люси сунула в безжизненную руку мистера Бринкли перо. И кивнула на дерущихся. Теперь охранники безуспешно пытались отнять у Гордона топор. – А то ведь они и упасть могут. Втроем.

Мистер Бринкли, видимо, и сам об этом подумал. Он торопливо подписал все документы и соглашение о расторжении договора, и чек на возврат суммы выплаченного аванса. Перо рвало бумагу и брызгало чернилами. Рывкнул на охранников, и те поспешно оставили Гордона

в покое. Гордон сгреб бумаги, церемонно поклонился мистеру Бринкли и кивнул Люси. Та немедленно перелетела на его плечо.

- Вы уж извиняйте, - Гордон был сама любезность. – Говорила моя мамуля: «Тебя, шалунишка, в приличный дом пускать нельзя – ну чисто гиппогриф в посудной лавке».

И они торжественно покинули дымящиеся руины, недавно бывшие прекрасным кабинетом. В фойе каменная сова ухнула и шарахнулась от них, как нервный, породистый конь от паровоза. Потом быстро метнулась куда-то вдоль коридора и принесла в клюве кошель с монетами, к которому была приколота торопливо нацарапанная на клочке бумаги записка – «Возврат аванса». Охранники сделали вид, что их очень беспокоила эльфийка подросток, не вовремя заглянувшая в офис. Они впились в дамскую сумочку несчастной с энтузиазмом голодных пираний. Долго (и, разумеется, безуспешно) пытались найти там что-нибудь противозаконное. Так что Люси и Гордон беспрепятственно покинули здание. Правда, чувство победной эйфории очень быстро покинуло маленькую фею. Да, они одержали победу над бессовестным мистером Бринкли. Да, очень приятно лицезреть силы тьмы, севшие в калошу. Но ведь ей нужен был результат! Гордон, видимо, почувствовал настроение своей маленькой спутницы.

- Слышь, Люси, - он немного помялся. – Слышал тут в Лихом переулке бабка есть. Платишь ей пару серебряных, объясняешь, чего надо, и она тебе адресок.

- Какой еще адресок?

- А какой надо. Найдет тебе нужного человека.

- А ты к этой бабке обращался?

- Ага. Все в лучшем виде получилось.

- Рассказывай.

На физиономии Гордона отобразились чувства, на которые, по мнению Люси, он не был способен в принципе – сомнения и смущение.

- Ну... Не. Я расскажу, а ты: Заткнись, Гордон, я такие мерзости слышать не хочу.

- Вот теперь точно расскажи. Не скажу, мне очень любопытно.

Оба как-то незаметно свернули в сторону Лихого переулка. Гордон еще немного посмущался и неуверенно начал:

- Ну, в общем, понравилась мне эльфийка одна, из светлых...

- Да ладно?!

- От тюрьмы, чумы и любви не зарекайся, как говорят. Светлая. Красотка, каких поискать. А недотрога, похлеще миссис Клаус...

Люси на секунду задумалась, каким именно способом Гордон выяснил, что миссис Клаус недотрога.

...Ну и ни в какую. Я, говорит, в эльфа влюблена. Я, говорит, с тобой, зеленый придурок, гулять нипочем не стану. А эльф такой говорит: ты к моей знакомой даже не приближайся. То есть, он с моей эльфийкой даже не того... Дракон на сене, одним словом. Ну, я к бабке. Она мне двух отморозков нашла страшных, татухи еще – медведь с рыбой в зубах. Такие кого

хочешь в темном переулке прирежут. Словом, ребята что надо. Эльфу рыло начистили, эльфиечку мою...

- Заткнись, Гордон. Я такие мерзости слышать не хочу.

- Ну вот, я так и знал. О, а вот и бабка.

Небольшой, покосившийся от времени особняк угрожающе наклонился над тротуаром. Кирпичи печных труб были черны от копоти, над ними курился разноцветный дым. Почти все окна в этот пасмурный день были наглухо зашторены, а по крыше разгуливали жутковатого вида коты. Здесь жили темнейшие из ведьм Виридиума. Люси и Гордон остановились у черной, облезлой двери. Соседка этой двери была выкрашена свежей голубой краской, дверная ручка начищена до блеска. Здесь же медь была зеленой от патины, дерево потемнело от дождей, а краска почти полностью отвалилась. На двери красовалась табличка:

Внимание организаций и частных специалистов. НЕ принимаем рекламодателей! НЕ рекомендуем за деньги! НЕ предлагайте вашу цену!

Внимание клиентов. Мы абсолютно честно подбираем лучших специалистов для решения вашей проблемы!

Слова «НЕ» были написаны красным и выглядели внушительно. Гордон протянулся к дверной ручке, но та словно ожидала – повернулась с неприятным скрипом. Дверь, тяжело вздохнув, отворилась, пропуская их внутрь. Люси с любопытством огляделась. Комната с низким потолком, кирпичный камин, в котором тлели угли, горящая лампа под зеленым абажуром. Вдоль стен шкафы с маленькими выдвигаемыми ящичками, в каких хранят картотеку, перед ними резная стойка рецепции. Пахло старым деревом, ветхими книгами и кофе. Ведьминская приемная выглядела зловеще нормальной.

Заскрипел старый паркет, и из неприметной двери появилась женщина. Поскольку Гордон называл ее «бабкой», Люси ожидала увидеть что-то древнее, горбатое, седое. Возможно, с бельмом на глазу. Возможно, на единственном глазу. А тут...

Идеально уложенные волосы женщины были белее снега, но ей было едва за сорок. Двигалась она с грацией молодой пантеры и, как пантера, была стройна и изящна. На Гордона она даже не взглянула, уставилась немигающим взглядом бесцветных глаз на Люси.

- Здравствуйте, я... - начала было Люси.

- Два серебряных, – оборвала ее на полуслове ведьма и повернулась к ней спиной.

Обескураженная таким пренебрежением к ее важным проблемам Люси полезла за кошельком. А женщина протянула тонкую, словно прозрачную руку к шкафу. Пальцы скользили вдоль ящичков, не касаясь их, словно у слепого, который пытается найти что-то наощупь. И вдруг остановились. Из ящичка она извлекла розовую визитку, шелковистую на ощупь и нежно пахнущую духами. Пышные виньетки обрамляли надпись:

Жульетта Д`Оревилль. Черная магия высшей категории. Отвороты и привороты любой сложности. Гадания, зелья. Мои услуги стоят дорого, но они того стоят.

Когда оказались на улице, Люси бережно спрятала визитку и спросила Гордона:

- Слушай, а чего ты ее бабкой-то назвал? Она ж не старая совсем.

- Как не старая? Ей точно за тридцать.

Люси страшно захотелось треснуть Гордона по голове чем-нибудь потяжелее.

Они уже дошли до конца переулка и не видели, как к черной двери степенной походкой подошел толстый гном. Щурясь, как все близорукие люди, он уставился через лорнет на табличку. Но пока он извлекал лорнет из футляра, яркие «НЕ» истаяли красным дымом. Теперь текст выглядел так:

*Внимание организаций и частных специалистов. Принимаем рекламодателей!
Рекомендуем за деньги! Предлагайте вашу цену!*

Воистину, маркетинг - это настоящая магия.